

УЗАК АБДУКАИМОВ

ИЗ ДНЕВНИКА МЛАДШЕГО ЛЕЙТЕНАНТА

ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ. 1944—1945 г.

Предисловие и публикация Темиркула Уметалиева

Автор настоящей фронтовой тетради — мой покойный друг Узак Абдукаимов принадлежал к тому небольшому отряду киргизских писателей, которому было суждено заложить фундамент современной киргизской литературы.

Узак Абдукаимов родился в 1909 г. близ Джалал-Абада в семье бедного киргизского земледельца. Отец его умел читать и писать, после победы Октябрьской революции он сразу же включился в борьбу за установление Советской власти, помогал отрядам Красной Армии, был членом ревкома, агитировал за проведение земельной реформы. В 1923 г. реакционные бай-манапы зверски убили его.

После убийства отца местные органы Советской власти отправили 14-летнего Узак в Ташкентский интернат, где он воспитывался два года. Образование Абдукаимов получил в Киргизском центральном педагогическом техникуме во Фрунзе и в Казахско-киргизском институте просвещения в Ташкенте. Кем бы ни был Узак — директором ли средней школы или заведующим районо, редактором ли в московском Издательстве литератур народов СССР или научным сотрудником республиканского Института истории, языка и литературы, или литературным консультантом в Союзе писателей — всюду он вносил в работу высокую идейность и горячую заинтересованность.

Писать Узак начал в 20-х годах, выступив сразу как поэт и прозаик. В начале 30-х годов, когда открылся первый киргизский профессиональный театр, Узак целиком отдался созданию репертуара для молодого театра. Один за другим появились на киргизском языке в его переводах «Ревизор» Гоголя, «Борис Годунов» Пушкина, «Овечий источник» Лопе де Вега, «Жорж Данден» Мольера, «Аршин мал алан» Гаджибекова и др. Это сблизило его с театром. Вскоре он начал писать оригинальные драматические произведения (либретто «Айша и Айдар» и др.). Кроме уже названных произведений русской и западноевропейской классики, он перевел почти все сказки Пушкина, многие его стихотворения, а также стихи Лермонтова, Байрона, Петефи, поэму Байрона «Чайльд Гарольд», «В людях» Горького, «Молодую гвардию» Фадеева и др. Переводы Абдукаимова отличались большой точностью и высоким художественным уровнем.

Узак Абдукаимов умер в 1963 г. Жизнь его оборвалась как раз тогда, когда он создал большое эпическое произведение о Великой Отечественной войне — двухтомный роман «Майдан» («Фронт»). Сам испытавший тяготы солдатской службы, Абдукаимов сумел воссоздать живые картины боев, фронтового быта, яркие образы солдат, офицеров и генералов.

«Майдан» — пока что единственный киргизский роман о Великой Отечественной войне, но не только в этом его значение для киргизской литературы. В «Майдане» киргизский роман приблизился к общеевропейскому и прежде всего к русскому роману.

Работая над своими переводами, Абдукаимов углубленно изучал русскую классическую литературу, прежде всего творчество Льва Толстого, которое он очень любил

и которое, безусловно, оказал известное влияние на роман «Майдан». Он воспринял основные черты русского реализма — гражданский пафос, глубокий психологизм, гуманизм. Мы не ошибемся, если назовем «Майдан» первым подлинно психологическим романом в киргизской литературе.

Читавшие роман «Майдан» (он издан пока что только на киргизском языке) невольно воспринимают «Дневник» Абдукаимова как стихийную подготовку к созданию романа. Отдельные эпизоды, мысли, наброски, характеристики послужили основой для целых глав. Однако «Дневник» имеет и самостоятельную ценность, являясь одним из многочисленных документов Великой Отечественной войны, тем зеркалом, в котором отразилась красота души советского человека, человека нового типа.

Черты, свойственные Узаку как человеку и гражданину, общи для всех советских людей. Среди этих черт, воспитанных нашей социалистической эпохой, мне хотелось бы назвать прежде всего советский патриотизм и интернационализм.

Подготавливая к печати фронтовой дневник моего друга, я вспоминаю его пронзительный глубокий ум и эрудицию, его необыкновенную доброту и обаяние, его неподкупную честность. Он был всем готов пожертвовать ради товарища, на него можно было положиться в любой обстановке. Он много знал и старался знать еще больше.

Фронтовой дневник Узака Абдукаимова хранится в личном архиве писателя, принадлежащем его семье (г. Фрунзе). Писатель вел его на русском языке — лишь некоторые страницы, в том числе два стихотворения, написаны по-киргизски. Ниже публикуются отрывки из дневника, относящиеся к последнему периоду войны — с октября 1944 г. до дня Победы, 9 мая 1945 г.

6.X.44. Сегодня началась артподготовка на нашем фронте. Стоит сплошной гром. Стекла дребезжат, трясется земля. Что это? Ложная артподготовка или началась решающая битва? А самолеты показались попозже. Сперва по четыре, с прикрывающими истребителями. Летели, как на параде. Потом их стало много... Вот сегодня целый день небо гудит. Артподготовка началась в 11, кончилась в 12. Сперва она казалась со стороны России, а потом уже у нас. Восточная Пруссия, видимо, дрожала.

7.X. Вчера вечером небо гудело самолетным гулом. Снопы лучей прожекторов тщательно ощупывали небо. Вдруг белые полосы скрестились, образуя луну. Значит, поймали самолет. Ракета. Отступили. Ракета. спустился парашютист. Мы удивились, чей же этот парашютист. Всю ночь была слышна артстрельба. Ни один вражеский самолет не показался. Сегодня утром все затихло. Вдруг безмятежно тихо. Где сейчас бой идет? Вышли ли мы на Пруссию? Как 1 Прибалтийский?

10.X. Мы покинули Визбутки (п/о Чакишки). Наша армия вышла на Пруссию. А резерв плетется в хвосте. Прибыли на Гертоколь. Перед тем как покинуть Визбутки, я был у Кедина, который жил у одного литовского крестьянина, где, между прочим, жили когда-то с Кеdinым и майоры. От хозяйна до маленькой Тавидории все полюбили младшего лейтенанта Кедина. На майоров рукой машут. Они им не понравились. Они видели в нем более культурного, более обходительного, более вежливого человека. Майоры требовали самогонку, мяса, блины. А он не только не требовал ничего, а наоборот, приносил масло, консервы, сахар. Мы с Кеdinым однажды после бани зашли в один дом чай попить. Мы с ними вели разговор, призывая на помощь все первобытные формы объяснения. Уходя, мы оставили консервы, сливочное масло, сахар. Они на нас смотрели как на самых культурных людей. В некоторых местах появление русского офицера вызывает нехорошее впечатление. Угощают их чем попало и желают, чтобы они скорее уходили. А вот хозяин Кедина нас совершенно не пускает из дома. Хозяйка, ее 15-летняя дочь, маленькая Тавидория, 10-летняя

Донгуолис не уходят от нас. Всеми способами, пуская в ход и жестикуляцию и мимику, мы разговариваем.

Хозяин рассказывает:

— Немцы пугали нас монголами. Придут, говорит, и всех зарежут, и, мало того, всех съедят.

— Я — монгол, — говорю я, — я, значит, могу вас скушать?

Все захохотали. Мы смеялись долго. Они посмотрели карточки Тони, Биры, Зои, Эркина, Тендика, Сашки. Они удивлены нелепостью германской пропаганды.

Они нас от чистого сердца угощали блинами, жареной бараниной, омлетом, молоком и т. д. Прощались тепло. Они благословили нас благополучно вернуться домой.

Литовцы хороший народ. Только от русского офицера и солдата ждут не глупости, а культурного отношения, которого у нас, к сожалению, порой не хватает.

Как хорошо жить в труде и мысли. Как хорошо всё чувствовать непосредственно и близко. Как хорошо видеть то, чего многие не видят, не осязают, не слышат. Но прекраснее то, что воспринятая жизнь всем своим процессом становится твоей мощью, твоим идеалом, орудием, действующим фактором, который всё шире открывает поле твоего зрения. Мышление становится производительным, безукоризненно чистым, правдивым. Вот почему жить надо на всех колесах; там, где нет кипучей жизни, жизнь там пустая потеха.

3.XI. Собираю кое-какие фольклорные материалы. Из блокнота одного майора, Ахмедгалиева (башкир), списал стихи неизвестного автора.

ПЕСНЯ О ЖИЗНИ

На войне о смерти мало говорят, —
В день ее встречают много раз подряд.
Слишком даже много этих смертных дней,
Так чего же ради говорить о ней!
На войне о жизни много говорят
И во имя жизни чудеса творят...
Прошипела мина, пронёсся снаряд,
И опять о жизни люди говорят.
Курят папироски, пряча в ладонь,
Есть гитара в роте, есть одна гармонь,
На войне играют, на войне поют,
Даром своей жизни врагу не отдают.
А когда настанет тяжелый миг,
И тогда не сразу сдастся фронтовик,
Он бывалый, тертый, он не так-то прост,
Упадет, как мертвый, или встанет в рост,
Или смерть обманет, или примет так,
Что его геройству удивится враг.
Впрочем, что ж об этом даром песни петь,
Победить нам надо, а не умереть.
Пусть-ка лучше немцы помнят Сталинград,
А у нас о смерти мало говорят.

...Сегодня получил письмо от Бабалова. Убит Поденщиков Николай. Как жалко мне его мать. У нее не было мужа, он был единственный ее сын, единственная ее радость, весь смысл ее тяжелой, одинокой жизни <...>

УЗАК АБДУКАИМОВ

Фотография, 1950-е годы

Собрание семьи У. Абдукаимова, Фрунзе

7.XI. В честь праздника выпили по 200 граммов. Я вспомнил Октябрьский праздник 1942 г.

...Шли днем и ночью. И эти дни и ночи казались бесконечными. В обезлюдевших деревнях престарелые старики и старушки провожали каким-то тупым, молчаливым, то ли жалеющим, то ли проклинающим взглядом.

Рано наступивший сухой мороз то и дело сменялся мокрым снегом, даже дождем, тогда становилось еще труднее: грязь, слякоть сквозь промокшую шинель еще больше отнимали сил, еще больше изнуляли. Тогда путь становился невыносимо тяжелым. И люди шли молча.

В этом молчании было собрано все то благородное, которое сохраняет человек, идя в тяжелый путь, даже зная свою обреченность. В этом молчании была и та злоба, та безобидная злоба на невзгоды похода, которая присуща каждому из нас, которую имел и я тогда. В этом молчании было то упорство русского человека, которое не раз приходило ему на помощь, не раз удивляло мир, но уже обогащенное, облагороженное упорством нового человека. В этом молчании таился голос будущего, вера в будущее, вера в то светлое, что замерло в ожидании своей судьбы, о предрешенности которой торжественно кричал враг.

Наконец, в этом молчании было сознание того, что мы двигались в «мешке» и доставить продовольствие было трудно, а потому нужно было потуже подтягивать ремни и пережить все молча.

Это было великое молчание и вера в свое правое дело, которое все же должно было взять верх.

Завтра наступал самый большой в нашей жизни день, который воплощал весь смысл нашего бытия, — 25-я годовщина Октябрьской революции.

Эх, в этот день я гулял, друзья.

И люди с благоговением вспоминали этот день, бывший святым днем каждого советского человека, день, который, казалось, все дальше и

дальше удалялся от нас. «Неужели, — возникал жгучий вопрос, — неужели наступит конец всему тому, что лелеяли 25 лет, 25 упорных лет, неужели всему конец?!»

Так люди и с сомнениями боролись молча.

Пришло время, и великое молчание заговорило: сила, созревшая в молчании, грохотала, сметая немецкие полчища, потрясая мир.

Вдруг все заговорило — от солдата до последнего кустика русской земли.

То было 20 ноября. Мы переходили в наступление. А 26 ноября я был ранен.

26.XI. Когда-то немцы считали своих артиллеристов и минометчиков артистами. Теперь русские артиллеристы и минометчики стали не только мастерами своего дела, но и искусными режиссерами, перед которыми артисты должны шапки снимать. Русские режиссеры заставят немецких артистов доиграть финал сцены, называемой «катастрофой»...

27.I.45. Вот до чего мы дожили! Мы теперь приближаемся к Кенигсбергу. Сегодня метель бушевала. Лошадь привязал к повозке. Встретил литовца, который хорошо говорит по-русски. Я спросил: «Kaip jus vardas?» — он ничего не ответил. Оказывается, ни слова по-литовски не знает — от того ли, что он немец, или долгое время в Германии жил? Почему он себя литовцем называет — не мог добиться.

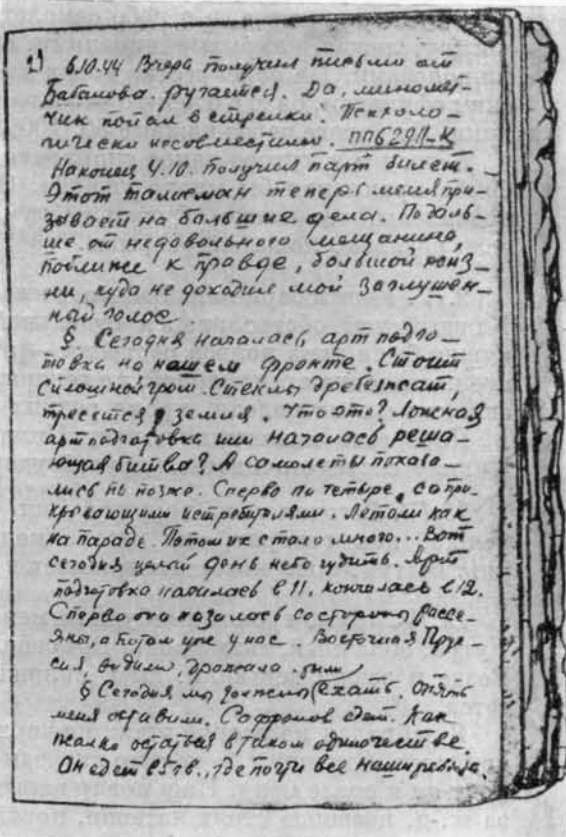
Встречаются две женщины, одна молодая, другая в преклонном возрасте, спрашивают дорогу. Вот до чего я дожил — deutsche Frauen спрашивают у меня дорогу в Германии. Я тепло с ними говорил через этого литовца. Дрожат. И холодно и боязно. Возвращаются и литовцы, и поляки, и русские, даже немцы. Жалеть их или не жалеть?

29.I. Всё ближе приближаемся к Кенигсбергу. В 14 км от Кенигсберга оказался лес, где имелись большие подземные склады. Теперь немцы, немки, дети (боже!) в условиях зимней стужи возвращаются, оказавшись отрезанными. Когда мы ласкаем немецких детей, плачущих от невзгод длинной зимней дороги, немцы, разинув рот, смотрят на нас, как будто мы хотим проглотить их детей. Потом, успокоившись, немки улыбаются какой-то тяжелой улыбкой. Вот идет молодая фрау, опираясь на велосипед; видно, что страшно устала, но идет. Надо идти...

18.III. Сегодня был в тылу моего полка (54 гвардейского ордена Суворова полка) — ходил получать зарплату. Сидел в жарко натопленной чердачной комнатухе, где устроился начфин со своей свитой. Входит молодой человек, по виду похожий на казаха, бледный, с преждевременными мелкими морщинками на лице. В фуфайке его невозможно было узнать, кто он по званию. Маленький, стройный. Потом оказался майор Бекбаев Насиб, младший брат Бекбаева Успентая. Он с радостью подал мне руку. Потащил к себе вниз, поговорили досыта, выпили по рюмке водки. «Много пережили на войне, — говорит он, — теперь мы знаем, что такое правда. Надо работать и воспитывать народ, не боясь трудностей, работать правдиво и искренно».

Да. Каждый из нас, проходивший суровую военную жизнь, должен сознать, что впереди громадные стоят дела, которые ждут крепких, проворных, правдивых, честных рук. До сих пор мы, несмотря на все наши полезные работы, жили в себе, иные непонятно как-то, скрытно, стесненно, иные самодовольно, чванно, сытно и гордо; но все же ни у кого не было того порыва, закалки, которые мы имеем сейчас...

31.III. Сегодня в 9 часов утра комдив вручил ордена. Получив Красную Звездочку, чувствую, что во мне происходит то, чего не было никогда.

ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК УЗАКА АБДУКАИМОВА

Обложка и страница с записью 6 октября 1944 г.

Собрание семьи У. Абдукаимова, Фрунзе

6.IV. Сегодня началась артподготовка. День был ясный, теплый; штурм начался с двух сторон, в двух направлениях — на Кенигсберг, на Пиллау.

На днях я ездил в армию с отчетом. Все дороги (асфальтированные, мощеные, настильные) были забиты машинами, танками, вообще техникой.

Теперь вся эта мощная техника обрушилась на немцев, которые при первом удобном случае сдаются в плен. Я слышал, не знаю, насколько это достоверно, что Кенигсберг выслал парламентариев с предложением, что они могут сдаться на условиях, которые были предъявлены нами Сталинградской группировке. Теперь-то они почувствовали, какое рыцарство было в русских условиях капитуляции в Сталинграде.

Есть слух, что недавно в Кенигсберге был сам Гитлер. Наша дивизия должна выйти к морю, перерезав железную дорогу Кенигсберг — Пиллау. На небе стоит несмолкаемый гул днем и ночью.

8.IV. Битва продолжается. Вчера слышал, что в Кенигсберге идут уличные бои, а наш правый сосед вышел к морю.

9.IV. День ясный, солнечный, дует не сильный, но несколько резковатый ветер. Я еду на повозке на новое место. На чистом поле, засеянном озимыми, раскинулись пункты боепитания. Идут пленные немцы, доро-

вые, худые, грязные, а в небе самолеты, самолеты. Вот копают братскую могилу, лежат, накрытые шинелями, сраженные бойцы с черными, русыми волосами. На перекрестке дорог пленный офицер разговаривает с русским офицером, он его о чем-то расспрашивает, их обступили бойцы-дорожники. По дороге через каждые 50, 100, 200 метров бойцы-дорожники.

В лесу и в хуторе такое скопление (обозы, машины, люди), что одна бомба причинила бы много ущерба. Однако немцы настолько морально подавлены, что никто об этом не думает и даже не обращает внимания, если недалеко ложатся разрывы.

9.IV. Кенигсберг пал. Ребята уже успели съездить туда за трофеями. Каждый дом обстреливался отдельной пушкой. Иначе говоря, каждой пушке была дана полоса обстрела — отдельный дом. Таково было огромное насыщение артиллерией, не говоря о других видах оружия. Немецкой авиации мы не видели, кроме редких одиночных появлений.

Перерезав железную дорогу Пиллау — Кенигсберг, мы встали. На Пиллау сосредоточивается другой ударный кулак.

12.IV. Сегодня тоже хороший день — тепло, авиация работает беспрепятственно, как говорят, она висела над Пиллау. Василевский предъявил ультиматум, срок которого истекает в 24.00.

13.IV. Шум, грохот разбудили меня. Началась артобработка ровно в 7 утра, облачный, тихий день. Вот сейчас сижу и пишу то, что происходит. Везде и всюду вспышки, дым, сплошной грохот, от которого земля трясется.

Я забрался на второй этаж, на чердак. Я нахожусь как будто в огненном море. Стреляют не только впереди меня, а и далеко позади меня, около меня и возле меня. Наш повар варит завтрак, а метрах в 50—70 от нас, за ж.-д. насыпью стоят катюши, порой изрыгая огненные стрелы. Катюши, когда стояли под углом примерно 45°, были похожи на рояль с открытой крышкой. В этот раз действуют скорострельные, новые катюши, звук которых похож на звук станкового пулемета. «Петляковы» летели эскадрильями. Первое время немецкие зенитки открывали огонь, потом и те замолчали. Я наблюдал, как пикировали они. Отчетливо видно, как обстреливают «илы» на пике реактивными снарядами. Все это происходит при громадном грохоте артиллерии. Дом, на котором я стою, так и ходит ходуном. Я оглушен.

15.IV. Вчера проехали Зеераппен, который превращен в груды развалин. Там, где проходила оборона немцев, все изрыто. Теперь идут обозы и машины; связисты тянут связь, — всё идут и идут. Я насчитал 12 танков, подбитых немцами, иные разлетелись на куски; эти танки не мощные самоходки, а те, которые танкисты называют «прощай, родина».

В Зеераппене есть аэродром, на котором лежат разбитые на земле немецкие самолеты, большинство истребители. Куда ни смотришь — везде разрушение. Это немцы цеплялись за каждый дом, за каждое укрытие, а наши тоже не сентиментальничали <...>

Сегодня несколько немцев пришли к комдиву на самоходке. Они сказали, что с ними хотят сдаться в плен около 300 солдат, они просили, чтобы им была дана записка с заверением о безопасности. Комдив удовлетворил их желание. В их руках ультиматум Василевского.

Я писал в «Мыслях русского офицера»: «Мы уничтожим гитлеризм, уничтожим идеологию фашизма, уничтожим немецкую армию и всех тех, кто с оружием в руках станет на освободительном пути русской армии. Но мы не враги немецкого народа, мы не можем уничтожить ту культуру, которую создавал немецкий народ в лице таких гениев, как Гёте».

Когда русский солдат обласкивал немецких старух, плачущих детей, я радовался сильной душевной радостью и думал: «Этим мы показываем свою высокую человечность, этим мы уничтожаем пропаганду Гитлера, Геббельса. Мы перетерпели все горе именно из-за вас, господа, из-за ваших господ, но мы направим немецкий народ на новый лад...»

21.IV. Идут дети, идут женщины, старики и старухи. Идут неведомо куда, грязны, голодны. Подходит малыш и говорит:

— Brot ist?

У нас хлеба не было. Стояли какие-то красноармейцы, у которых оказалась буханка хлеба. Когда я им сказал, что дети просят хлеба, они с удовольствием отдали буханку. Все дети оказались возле меня.

Женщины, старики, дети смотрят на меня каким-то удивленным взглядом.

В Кенигсберге я видел, как дети окружили красноармейца, который сидел с аппаратом на дворе. Ходят молодые фрау, улыбаются, боятся, но все-таки живут, работают, чистят города...

9.V.1945 г. Победа.

Вчера лег во втором часу ночи. Я моментально уснул крепким сном. Но вдруг зашумел наш старик Малышев. «Победа! Победа!» — слышу крики. Где-то раздается «Ура!». Потом началась пальба. Стреляли солдаты, все, кто имел оружие. Ракеты ярко освещали небо.

Так наступило утро Победы, которое я встретил в Пруссии.

Сегодня 9 мая 1945 года, а 9 мая 1942 года я был призван в армию.

Когда исполню долг бойца, взмахну я
Крыльями, на родину помчусь,
Мою сиротку обниму родную
И дам отведать ей победы вкус.

Но мне еще к любимой нет дороги...
О, как влачится долго каждый час!
А кто-то, замирая от тревоги,
С тропинки к дому все не сводит глаз... *

* Перевод Рувима Морана. В дневнике стихи написаны на киргизском языке.